

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIV • 2021 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

**Посвящается 110-летию национально-освободительной
революции в Монголии**

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер и дата
принятия решения
о регистрации в Федеральной
службе по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,
профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

**Выпускающий редактор номера — доктор исторических наук
К. В. Орлова (Москва)**

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 05.03.2021

Формат 60×90 1/8. Объем 13 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/4d4v-4q30

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

- В. В. Грайворонский.** К 110-летию национально-освободительной революции в Монголии в 1911 г. 5
- Ж. Урангуа.** Первый министр Министерства внутренних дел Монголии Цэрэнчимид и русско-монгольские переговоры 1912 г. 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Е. В. Асалханова.** Система живописного убранства храмов северного буддизма 17
- А. Ж. Бальжурова.** Развитие жанровой системы бурятской буддийской танка во второй половине XIX в. (на материалах коллекции Национального музея Республики Бурятия) 21
- С. Г. Батырева.** «Джангариада» В. А. Фаворского в истории изобразительного искусства Калмыкии 30–40-х годов XX в. 26
- И. Р. Гарри.** Святые места Нгаба: по материалам экспедиции 2017 г. 38
- Ю. И. Елихина.** Находки из Хирхиринского городища, хранящиеся в Эрмитаже. 47
- Р. Ю. Почекаев.** Судебный процесс в Джунгарском ханстве с участием иностранцев (по запискам И. С. Унковского) 51

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- К. В. Алексеев.** О топосе «похода» в монгольском сочинении «Эрдэни тунумал» 58
- И. А. Алимов.** Заметки о сяошо: «Сюй ши шо» 67
- О. К. Бабаева.** Анализ стихотворения Д. Н. Кугультинова
«Оонин үкл, эс гиж эвдрсн өрүн», «Смерть сайгака, или расстрелянное утро» 74
- А. В. Зорин.** Заяц «Тибетского сказа» А. М. Ремизова и его тибетские прототипы 79
- Б. В. Меняев, Б. Х. Борлыкова.** Из истории записи сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар». . . 85

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Литература по калмыцкой фольклористике. Сост. **Т. Г. Басангова (Борджанова)** 94
- «Вторые Ковалевские чтения». Казань 1–2 декабря 2020 г. (**И. В. Кульганек**) 98

Ж. Урангуа

Первый министр Министерства внутренних дел Монголии Г. Цэрэнчимид и русско-монгольские переговоры 1912 г.

© Ж. Урангуа, 2021
DOI 10.25882/a0aj-be79

Национальная революция 1911 г. в Монголии, руководимая высшей знатью Халхи, положила конец двухвековой зависимости Внешней Монголии от империи Цин. В результате было основано независимое государство во главе с теократическим монархом VIII Богдо-ханом.

Царская Россия, заинтересованная в появлении буферного государства на границе с Китаем, поддерживала Монголию. Россия выступала за предоставление Китаю широкой автономии Внешней Монголии, а новое республиканское правительство Китая вообще не хотело признавать независимость Монголии и намеревалось при возможности установить суверенитет над ней, так как считало себя продолжателем политики Цинов. А чего, собственно, хотели сами монголы?

В статье затрагиваются вопросы о политической деятельности да-ламы Цэрэнчимид, который был первым министром внутренних дел Монгольского государства в 1911–1913 гг. Во время переговоров между царской Россией и Монголией Г. Цэрэнчимид отстаивал идею полной независимости страны и объединения всех монгольских земель. Далее затрагиваются вопросы русско-монгольских отношений в те трудные дни восстановления Монголией своей государственности.

Ключевые слова: монголы, лама, суверенитет, договор, патриот.

Урангуа Жамсран — доктор исторических наук, профессор. Монгольский государственный университет. Институт науки. Кафедра истории (Монголия, 210646, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1. Почта-46/46А).

uranguakhereid@gmail.com

Любой человек — продукт общества, в котором он живет. Так, в монгольском обществе конца XIX — начала XX в. появилась незаурядная личность — видный религиозный и государственный деятель по имени Цэрэнчимид (1872–1914), один из руководителей борьбы за освобождение Монголии от Цинского двора. Он был образованным человеком с независимым мнением, усердно изучал международное право, полностью поддерживал хана, управляющего и государством, и религией.

Да-лама Цэрэнчимид происходил из семьи простых крепостных ургинского хутухты (т. н. *шаби*). Став монахом, он благодаря своим личным способностям добился видной должности в Шабинском управлении — стал помощником Шанзодбы, да-ламой, а затем — советником религиозного главы Монголии — Богдо Джебдзундамба-хутухты VIII (1874–1924).

В августе 1911 г. он вместе с его единомышленниками Хайсан-гуном (1857–1917) и чин-ваном Ханддоржем (1869–1915) по решению съезда князей был

послан в Петербург просить у царской России помощи и поддержки в решении вопроса отделения Монголии от Цинской империи. Царское правительство дало уклончивое обещание поддержать стремление монголов [Сборник, 1914. С. 178]. Во время этой поездки русские дали ему следующую характеристику:

Да-лама Цэрэнчимид советник Богда. Большой сторонник России, умный, проницательный и убежденный буддист, образованный, как уполномоченный духовного главы Монгольского Богда стремится найти у России поддержку по вопросам общей политики и буддизма [РГИА, 38].

В середине октября 1911 г. да-лама Цэрэнчимид, харчинский чиновник Хайсан из Внутренней Монголии и князь чин-ван Ханддорж, вернувшись в Ургу, обсудили итоги переговоров с Россией. Учитывая благоприятную обстановку в связи с вооруженным восстанием в Учане 10 октября 1911 г., положившим начало революции в Китае, монгольские князья и

высшие ламы приступили к решительным действиям. 18 ноября по старому стилю был образован Комитет по управлению революционными действиями, в который вошли 7 человек, в том числе Цэрэнчимид.

После победы национально-освободительной революции 1 декабря 1911 г. да-лама был назначен министром внутренних дел Монгольского государства. Обладая большим умом и огромной волей, он довольно быстро взял под свой контроль членов правительства и многих халхаских князей. 22 января 1912 г. российский консул в Урге В. Ф. Люба сообщил в Петербург:

Да-лама Цэрэнчимид — помощник Шанзудба, вошедший в состав депутатий и приобретший впоследствии некоторую известность в Петербурге и Иркутске. Гибкий ум, типичный интриган и царедворец [РГИА, 38].

Да-лама Цэрэнчимид был выдающимся политическим деятелем, он предвидел конец существования империи Цин, предводительствовал в исторически важной борьбе за установление независимого Монгольского государства, затем принимал активное участие в разработке внутренней и внешней политики «многими возведенного» Монгольского государства, участвовал в монгольско-российских переговорах о дружбе и торговле между двумя странами, состоявшихся в 1912 г. в столице Монгольского государства Урге, решительно выражал интересы Монголии и упорно боролся за создание суверенного государства, объединяющего Внешнюю и Внутреннюю Монголию.

В определенный период судьба национально-освободительной революционной борьбы монголов зависела от отношений между державами, установившими сферы своего влияния на Дальнем Востоке, от позиции Китая, находящегося под властью династии Цин, и от их политики в отношении Монголии. Россия стремилась, с одной стороны, добиться от китайского правительства признания своих интересов в Монголии, с другой стороны — поддерживать революционную борьбу монголов за национальное освобождение.

Россия имела прежде всего намерение укрепить свои интересы в Монголии и с этой целью первой выступила с предложением предоставить Внешней Монголии право на автономию [Жамсран, 1997. С. 67].

Национально-освободительная революция волнами перекатывалась из одной части Монголии в другую. Монгольские власти не хотели автономии, и они открыто заявляли о своем намерении добиваться полной независимости своей страны от Цинов и Китая, добиваясь реализации своих далеко идущих внешнеполитических планов.

Министр иностранных дел России Сазонов предложил своему правительству заключить в большой

тайне соглашение с Монгольским правительством, царь Николай II поддержал это предложение. Царская Россия намеревалась помочь Монголии сохранить в определенной степени государственный суверенитет и использовать эту страну в качестве буфера вдоль своей южной границы.

В апреле 1912 г. министр иностранных дел России выступил в Государственной Думе с декларацией, в которой заявил, что Россия будет стремиться к признанию за Халхой автономии, которая может быть обеспечена при следующих условиях: сохранение традиционного административного устройства и управления, недопущение ввода китайских войск и запрет на китайскую колонизацию. Министр добавил, что в споре между Китаем и Монголией Россия согласилась выступить посредником в восстановлении дружеских отношений [Коростовец, 2009. С. 59].

В то же время Китай готовился направить войска на западную границу Монголии, поэтому осенью 1912 г. начались переговоры с монгольским правительством. Российским полномочным представителем в переговорах был отправлен И. Я. Коростовец (1862–1933), бывший посол в Пекине в 1908–1911 гг. Российский консул В. Ф. Люба, секретарь консульства Попов в Нийслэл Хурэ¹ тоже участвовали в переговорах.

Российская сторона явилась со своим проектом договора. С монгольской стороны участвовали первые министры всех пяти министерств во главе с премьер-министром Намнансурэном (1878–1919).

Первый министр внутренних дел да-лама Цэрэнчимид с самого начала принял активное участие в этих переговорах. Когда российская сторона вручила монгольской стороне свой проект договора, наши министры, бегло ознакомившись с его содержанием, выразили полную поддержку, только министр внутренних дел да-лама Цэрэнчимид высказал ряд резких возражений, а также пожелание привлечь к переговорам представителей Внутренней Монголии [Урангуа, 2010. С. 21].

Когда российский полномочный представитель Коростовец проводил 6 октября 1912 г. первую дискуссию в переговорах с монгольскими министрами, да-лама Цэрэнчимид задал такие вопросы: «Помогут ли результаты этого договора Монголии стать независимой от Китая?»; «Попадет ли Монголия в зависимость от России?»; «Признаёте ли Внутреннюю Монголию и другие провинции, например, Кобдо, Урянхайский край, Барга? Почему они не включены в проект договора?»

Затем он высказался о проекте договора российских представителей так: «Настоящее русско-монгольское соглашение не представляет никакой конкретной выгоды для Монголии. Это только как бы поставить монголов на наковальню и стучать молотком по своей воле. Тот факт, что Монголию вынуж-

¹ Название Улан-Батора до 1924 г.

дают принять российское требование безоговорочно... означает стремление превратить Монголию во второй Бухар Гаоли. Мы не желаем стать подданными России после того, как вышли из-под маньчжуро-китайского правления» — и предложил «отложить заседания переговоров до того, как монгольский представитель Ван Наянт будет прислан из Пекинского правительства» [Жамсран, 1997. С. 69].

Монголы составили свой вариант соглашения, но русский уполномоченный не принял его. В конце концов переговорщики с двух сторон внесли несколько существенных поправок и дополнений в проект, предложенный русскими. В контрпроекте было сказано, что Монголия сбросила маньчжурское иго и объявила себя независимым государством под властью своего Богдо-хана. Монголы не довольствовались тем, что Россия предлагает «внутреннюю автономию Халхи», они хотели, чтобы этот акт определенно выражал освобождение Монголии от китайского сюзеренитета и вытекающего из него невмешательства Китая в дела управления Монголией. Монгольские власти сформулировали основное направление внешней политики, или стратегическую задачу:

Монголы, уничтожив маньчжуро-китайскую власть, образовали великую империю, объединившую всю Монголию, которую Российское государство должно в первую очередь признать и соответственно взять на себя обязательство её защиты. После этого мы будем добиваться признания суверенитета нашего государства другими иностранными государствами.

Русские делегаты наотрез отказались признать это.

Монгольские министры подняли вопрос об объединении Барги, Внутренней Монголии с Халхой, о создании единого суверенного монгольского государства, признании его Россией и об открытии монгольского представительства в Петербурге. Российский посланник не принял это предложение. Первый министр Цэрэнчимид последовательно выражал интересы Монголии, неустанно боролся за единое суверенное государство. Так как русская сторона не принимала это предложение, он готов был даже прекратить переговоры.

Да-лама задавал вопрос, будет ли признана независимость Монголии и будут ли отданы ей вся указанная территория и проживающий на ней народ. В противном случае «мы не можем быть государством», утверждал он. Он твердо стоял на своей позиции, заявляя, что Монголия — это суверенное государство, стремящееся объединить всех монголов, в том числе жителей Внутренней Монголии и Маньчжурии, оккупированных китайцами, а также что все земли, находящиеся близ Дальневосточной железной дороги, должны объединиться под властью ургинского хутухты.

Это не соответствовало статье русского проекта, согласно которой суверенитет Монголии означал, что она является автономным государством под властью китайского правительства и что её территория равна размеру нынешней Внешней Монголии. Русские делегаты сделали попытку отстранить Цэрэнчимида от переговоров, о чем сообщили в Министерство иностранных дел России, определяя его как человека с антирусскими взглядами, поддерживающего тайные отношения с Китаем. Однако, как писал российский историк Е. А. Белов, да-лама не был приверженцем китайской стороны, он выражал чаяния и стремления Хутухты и, будучи признан и поддерживаем этими двумя императорскими правительствами, выступал за провозглашение суверенитета Монголии [Болдбаатар, 1997. С. 32].

В то время посол России в Пекине В. Н. Крупенский (1869–1945) в официальном письме правителю Монголии Богдо Джебдзундамба-хутухте VIII потребовал сместить министра Цэрэнчимида с его должности и не допустить его участия в переговорах. Русский консул в Их Хурэ приложил немалые усилия для того, чтобы это требование было удовлетворено. Однако все усилия его оказались напрасными. Ему не удалось на этот раз ни удалить Цэрэнчимида с переговоров, ни сместить его с должности первого министра. Возглавляющий переговоры премьер-министр Намнансурэн в личной беседе с Коростовцом так отозвался о Цэрэнчимиде:

Да-лама не является ни сторонником Китая, ни противником России. Он «прежде всего патриот, борющийся за сохранение суверенитета Монголии от любого посягательства извне, его единственная вина» заключается в том, что он слишком много думает о благе для своей страны.

Поскольку в это время значительные китайские войска продвигались на западе по Кобдо-Алтайскому направлению, что создавало реальную угрозу нежелательного столкновения монгольской и российской сторон с китайской агрессией, 2 ноября (21 октября по старому стилю) 1912 г. было подписано соглашение. В нем констатировалось, что «прежние отношения Монголии с Китаем» прекратились, но вопрос о статусе монгольского государства обходился стороной. Это давало возможность царскому правительству применять термин «автономия», а монгольской стороне утверждать, что имеется в виду государственная независимость. Монгольский министр иностранных дел чин-ван Ханддорж во время официального визита в Россию в конце 1912 г. заявил в Петербурге одному из корреспондентов: «Мы понимали, что этим актом признана полная независимость Монголии от Китая, и мы твердо намерены это отстаивать».

По соглашению Россия обязалась оказать монгольскому правительству помощь в формировании

собственных вооруженных сил и недопущении китайской колонизации и ввода китайских войск.

Этот договор был первым шагом установления автономии, которая стала реальностью в 1915 г. в результате Кяхтинского Тройственного соглашения России — Монголии — Китая. А слово «автономия» впервые появилось в этом соглашении. И хотя это соглашение ограничивало желание монголов создать единое суверенное государство, но, с одной стороны, оно явилось полупором грубой попытке китайских властей присоединить всех монголов непосредственно к Китаю, с другой стороны, имело важное международное правовое значение.

Русская сторона рассматривала заключение этого соглашения как крупное достижение русской дипломатии. Министр иностранных дел Сазонов после подписания соглашения раздал его копии послам Франции, Англии и Японии и объяснил им его содержание. Он озвучил причины, которые заставили Россию заключить это соглашение. По его словам, Россия не раз обращалась к Китаю, требуя не вмешиваться во внутренние дела Монголии, вывести китайские войска, а также прекратить колонизацию. Так как Китай не принимал эти требования, Россия и решила заключить с Монголией соглашение.

После того как Россия и Монголия заключили соглашение, правительство России направило китайскому правительству ноту, в которой говорилось: «...Мы верим, что Китай будет участвовать. В случае отказа мы с этого времени выражаем свое намерение более активизировать признание царской Россией суверенитета Монголии». В ответном заявлении китайская сторона писала: «Мы ни в коем случае не признаем никакого соглашения, подписанного Россией с Внешней Монголией. Мы выражаем наш протест. Это является посягательством на суверенитет Китая».

Корреспондент лондонской газеты «Таймс» в Пекине писал: «Если бы молодой Китай захотел поступить по-своему, даже если бы знал, что за незначительными силами Хутагты стоят русские оружие и войска, целая его армия наступала бы к этому времени в направлении Урги». Весть о том, что по договору русская торговля получила особую привилегию в Монголии, вызвала гнев среди китайских торговцев в Маньчжурии и Калгане. Содержание этого договора не разглашалось, держалось в тайне от общественности, поэтому распространилось много слухов, состоялось несколько митингов протеста и президенту Юань Шикаю (1859–1916) и военным министрам провинций Мукден и Гириин было направлено требование ввести в Монголию войска. Беспорядки имели место и внутри гоминдановской партии, ожесточенные споры и дискуссии шли в Национальном совете. Министр иностранных дел Лян Юхао пострадал от всей этой шумихи и подал в отставку 13 ноября. Заставить Китай признать вышеупомянутый договор с Монголией стало очередной задачей Рос-

сии. Поэтому вскоре начались переговоры между Россией и Китаем.

Первый министр Цэрэнчимид считал, что внешняя политика Монголии не ограничивается заключением договора только с одной страной, другими словами, только с одной Россией, было бы хорошо заключить договор о дружбе и с другими странами. Петербургская газета «Новое время» писала о Цэрэнчимиде следующее:

Это человек железной воли и природных талантов, человек энергичный, проницательный, но более националист, чем сторонник России [Новое время, 1912].

Это определение и многие другие высказывания о да-ламе свидетельствуют о том, что Цэрэнчимид был смелым, энергичным, талантливым человеком и патриотом Монгольского государства.

Итак, минуло почти целое столетие с момента подписания в ноябре 1912 г. первого русско-монгольского соглашения. На протяжении многих лет историки и специалисты по международному праву описывали проблемы настоящего соглашения, по-разному оценивая и трактуя их. В социалистическое время преобладала тенденция к преувеличению роли соглашения как документа, имеющего особо важное значение в развитии монгольско-российских отношений. После демократической революции 1990 г. некоторые исследователи затронули вопросы сути этого соглашения, при этом ясно прослеживается, что они остерегаются громко заявлять о положительном значении настоящего соглашения.

Россия была инициатором заключения соглашения. Правительство Монголии верило в Россию, в её верное партнерство и надеялось, что заключение русско-монгольского соглашения окажет существенную поддержку в признании государственного суверенитета Монголии на международной арене. Российский фактор в завоевании Монголией независимости велик.

Несмотря на то, что правительство Китая отказалось признать независимость Монголии, оно уже не смогло восстановить над ней свой суверенитет. Стремление Монголии к независимости нашло поддержку в Российской империи, заинтересованной в появлении буферного государства на границе с Китаем. Россия выступила за предоставление Китаем широкой автономии Внешней Монголии. Согласно монгольско-российскому соглашению от 21 октября 1912 года были закреплены привилегии и преференции России: свобода передвижения, торговля, банковская деятельность. Россия в то время еще не признала Китайскую республику, поэтому соглашение было сделано напрямую, минуя Китай. 23 октября 1913 года Россия признала суверенитет Китая над Монголией (Русско-китайская декларация). В свою очередь, Китай признал право Монголии на само-

управление, право распоряжаться своей промышленностью и торговлей и согласился не вводить в страну свои войска. 25 мая 1915 года в Кяхте был заключён

трёхсторонний Кяхтинский договор, провозгласивший автономию Монголии. Самоуправление Монголии было подтверждено.

Использованная литература

Болдбаатар, 1997: *Болдбаатар Ж.* Да-лама. Улан-Батор, 1997.

Boldbaatar J. Da lama. Ulan-Bator, 1997.

Boldbaatar J. Da lama. Ulaanbaatar, 1997.

Жамсран, 1997: *Жамсран Л.* Возрождение государственной независимости Монголии. Улан-Батор, 1997.

Zhamsran L. Vozrozhdenie gosudarstvennoy nezavisimosti Mongolii. Ulaanbaatar, 1997.

Zhamsran L. Revival of the state independence of Mongolia. Ulanbaatar, 1997.

Коростовец, 2009: *Коростовец И. Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г. Улан-Батор, 2009.

Korostovets I. Ya. Devyat' mesyatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Mongolii. Avgust 1912 — mai 1913g. Ulan-bator, 2009.

Korostovets I. Ya. Nine months in Mongolia. Diary of the Russian Commissioner in Mongolia. August 1912 — may 1913. Ulaanbaatar, 2009.

Новое время, 1912: Новое время. 21.08 (02.09).1912.

Novoye vremya. 21.08 (02.09).1912.

New time. 21.08 (02.09).1912.

РГИА, 38: Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 28. Ед. хр. 38.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 560. Op. 28. Ed. hr. 38.

Russian state historical archive. F. 560, register 28, storage unit 38.

Сборник, 1914: Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 — 2 ноября 1913 г.) С.-Петербург, 1914.

Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po mongol'skomu voprosu (23 avgusta 1912 — 2 noyabrya 1913 g.) S.-Peterburg', 1914.

Collection of diplomatic documents on the mongolian question (23 august 1912 — 2 november 1913). St. Petersburg, 1914.

Урангуа, 2010: *Урангуа Ж.* Российской фактор в завоевании независимости Монголии (1911–1917). Улан-Батор, 2010.

Urangua J. Rossiyskoy faktor v zavoyevanii nezavisimosti Mongolii (1911–1917) Ulan-Bator, 2010.

Urangua J. Russian factor in the conquest of independence of Mongolia (1911–1917). Ulaanbaatar, 2010.

Jamsran Urangua

Tserenchimid: The First Minister of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia and the Russian-Mongolian negotiations in 1912

The Mongolian National Revolution of 1911, led by the highest nobility of Khalkha, put an end to the two-century dependence of Outer Mongolia on the Qing Empire. As a result, an independent state was founded, headed by the theocratic monarch VIII Bogd-Khaan.

Tsarist Russians, being interested in the creation of a buffer state on the border with China, supported Mongolia. Russia was in favor of China's granting broad autonomy to Outer Mongolia. The new Republican Government of China did not want to recognize the independence of Mongolia at all and intended, if possible, to establish sovereignty over Mongolia, since they considered themselves to be the heirs of the Qing Dynasty.

However, what exactly did the Mongols themselves want?

The article raises questions about the political activities of Da Lama Tserenchimed, who was the first Minister of Internal Affairs of the Mongolian state in between 1911–1913. During the negotiations between Tsarist Russia and Mongolia, G. Tserenchimid stood firmly for the complete independence of the Outer Mongolians and for the unification of all Mongolian lands. Also, the article touches upon the issues of Russian-Mongolian relations in those difficult days of the restoration for their statehood.

Key words: Mongolians, lama, sovereignty, agreements, nationalist.

Jamsran Urangua — National University of Mongolia. School of Science. Department of History. (Ikh Sur-guuliin gudamj-1, P. O. Box — 46A/523, Ulaanbaatar, 210646, Mongolia).

uranguahereid@gmail.com